

ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ГИБЕЛИ ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ В 270-е ГОДЫ ДО Р.Х.

Ф.В. Шелов-Коведяев¹

В статье показано, что Елизаветовское городище в устье Дона было разрушено скифами, теснимыми сарматами. Дается комплексный анализ археологических свидетельств о сарматских рейдах по днепро-донскому междуречью, начиная с последней трети IV в. до Р.Х. Впервые публикуется граффито, отражающее присутствие сарматов в Крыму в последней четверти IV в. до Р.Х.

Ключевые слова: скифы, сарматы, Елизаветовское городище, погребальные комплексы, археологические памятники, сельская хора, артефакты, эпиграфические документы, граффито, декрет

TO THE DESTRUCTION OF THE ELIZAVETOVSKOE SETTLEMENT IN 270s BC

F.V. Shelov-Kovedyayev

The paper explains that the Elizavetovskoe settlement in the Don River delta area was destroyed by the Scythians pressed by the Sarmatians, gives a complex analysis of all archeological data considering the Sarmatians raids in the Don-Dnieper interfluvium beginning from the last third of the 4th century BC and offers the first publication of the graffito which prove the Sarmatian presence in the Crimea in the last quarter of the 4th century BC.

Keywords: Scythians, Sarmatians, Elizavetovskoe settlement, burial complexes, archaeological sites, chora, artifacts, epigraphic documents, graffito, decree.

Принято считать, что греческое поселение на месте Елизаветовского городища в устьевой области реки Дон у хутора Городище, называемое рядом новейших исследователей (напр., Копылов и др., 2009: 57 сл.) Большая греческая колония или, сокращённо, БГК, прекратила своё существование в результате военных действий ближе к завершению второй половины 270-х гг. до Р.Х. (напр., Марченко, 1990: 137; Виноградов и др., 1997: 101; Копылов, Коваленко, 2016: 37), а выселок в границах современного хутора Недвиговки², возник либо в конце первой четверти III в. до Р.Х. (Böttger, 2001: 46, 48-49), либо примерно на десяток лет позднее трагедии своего старшего собрата, на исходе 260-х гг. до Р.Х. (Кутинова, 2010: 116 и прим. 18-20 – с литературой). В данной связи недавно была высказана гипотеза (Копылов, Коваленко, 2016, 38) о том, что апокия в донской дельте была уничтожена за неповиновение самими боспорянами (подобно тому, как столетия спустя Полемон поступил с непокорным ему Танаисом), которые вскоре взамен той вывели³ новую колонию, выбрав место для неё на берегу Мёртвого Донца. В качестве важнейшего аргумента в пользу мнения о сецессии и истреблении восставших жителей Елизаветовского городища приводятся ядра, пущенные из баллист, расположенных, как предполагается, на боевых кораблях боспорского флота.

Разумеется, само наличие названных метательных снарядов весьма важно и любопытно. Представляется, однако, что указанная их интерпретация не учитывает кардинального различия исторического контекста уничтожения БГК и мятежного Танаиса.

За Полемоном был не только, пусть и сотрясаемый чередой политических неурядиц и смут, но ещё сохраняющий немалый потенциал Боспор, где тот только что воцарился и продолжал укрепляться, но и цветущий Понт и державный Рим. Сила, которая позволяла ему с корнем вырывать ростки сопротивления своей власти.

Совсем иной была ситуация на рубеже первой и второй четвертей III в. до Р.Х. По данным

¹ Шелов-Коведяев Фёдор Вадимович (Москва) – кандидат исторических наук, руководитель исследований Фонда «Российский общественно-политический центр».

² «Младший», по выражению Т.Н. Книпович, Танаис (Книпович, 1949: 10-12).

³ Не обязательно династы непосредственно – см. Böttger, 2001: 45.

источников (Syll. 3 37024 [285/4 год]), хлебные щедроты правителей⁴ уже в начале второй декады века значительно упали по сравнению с эпохой Левкона I, а боспорская хора через ещё 10-15 лет сжалась, прежде всего, на коренных крымских землях, до ближайшей округи некоторых полисов (напр., Масленников, 1981: 67 сл.; он же: 1998). Всё говорит о том, что в данный период Боспорское царство проходило через глубокий кризис.

Будучи в упадке сил, теснимое со всех сторон в самом сердце своей территории, оно явно не могло располагать ресурсами, потребными для проведения карательных операций на своей далёкой (по тогдашним меркам) северо-восточной окраине. Когда прижало так, что впору думать о том, как остов своих владений оградить и отстоять, династии было не до того, чтобы кого-либо наказывать в сомнительных, из-за весьма растянутого плеча, предприятиях. Да и о поводе, не говоря уже о причине, для наказания нет никаких сведений: ведь факт обнаружения ядер может получить более подходящее раннеэллинистическим боспорским реалиям толкование.

Но об этом позже. Теперь же подробнее обрисует положение, в каком оказался Боспор в интересующее нас время.

Немаловажно, что на рубеже первой и второй четвертей III в. до Р.Х. в Северном Причерноморье почти повсеместно фиксируется фактически синхронное прекращение жизни на большинстве поселений сельской округи античных полисов (Виноградов и др., 1997: 93-94, 101 – с библиографией). Помимо Боспора (Масленников, 1998: *passim*), наиболее яркую картину даёт, пожалуй, Нижнее Побужье (Виноградов, 1997: 105 и прим. 7, 107, 122-123 – с библиографией; Виноградов, Марченко, 2014: 147 сл. – с библиографией). Во многих случаях покиданию насиженных мест предшествуют пожары и разрушения⁵, постигшие жителей в результате военных действий – в слоях находят скифское оружие (стрелы и т.п. – Масленников, 1998; Виноградов, 1997; Виноградов и др., 1997; Виноградов, Марченко, 2014).

Эти давно известные науке данные подтверждаются и материалами, ставшими известными автору этих строк прошлым летом.

Так, (военное?) поселение Фонтан, расположенное на 37 километре Симферопольского шоссе («квартиры» сменной стражи на Узунларском валу?), возникающее, по мнению автора раскопок С.Л. Соловьёва, показавшего их результаты участникам конференции «Археология и история Боспора» 10 августа 2017 года, во второй половине IV в. до Р.Х., оставляется в первой трети III в. до Р.Х. Прекращению его функционирования сопутствуют отмеченные в ряде помещений следы горения на камнях фундаментов. Кроме того, судя по отсутствию синопского материала, ограничивается, в основном, IV в. до Р.Х. и бытование принадлежавшей представителю боспорской знати располагавшейся на ближней хоре Пантикапея (сейчас это район Керчи) укрепленной усадьбы Бондаренково Восточное (автор разведок 2009–2012 гг., доложивший об их результатах на упомянутой выше конференции, Д.В. Бейлин).

Большинство специалистов (см. вышеназванные публикации с обширной библиографией вопроса; ср. Тохтасьев, 2005: 292) склонно расценивать перечисленные выше сведения, как свидетельство о кардинальной перемене обстановки в Южно-Русских степях в первой трети III в. до Р.Х., наступившей вследствие натиска новой волны номадов – сарматов, оттеснивших ранее господствовавших здесь скифов в Крым и узкую полосу пространства от Перекопа до Нижнего Поднепровья (Виноградов, 1987: 84).

Думать так ранее позволяли, прежде всего, явные указания нарративных источников. Ранее 350 г. до Р.Х. они (Ps.-Scyl. 68; Эвдокс Книдский *apud St.Byz., s.v.*) датируют выход в Нижнее Подонье ранее неизвестных сирматов, явившихся сюда из глубин Азии (Тохтасьев, 2005: 299-300; ср. Скрипкин, 2009). Полвека спустя в Северном Причерноморье сарматов уже знают под их собственным именем (Ps.-Skymn. 877-879 = Dem. Call. F 1), а в начале III в. до Р.Х. (Theophr. fr. 172)

⁴ Ю.А. Виноградов и К.К. Марченко (Виноградов, Марченко, 2014: 148) вопреки Х. Хайнену (Хайнен, 1999: 158-169) и А.А. Завойкину (Завойкин, 2010) принимают бонус (δωρεάν) Спартока III за объём боспорского экспорта в Афины.

⁵ Например, Генералово в Восточном Крыму (Масленников, 1998).

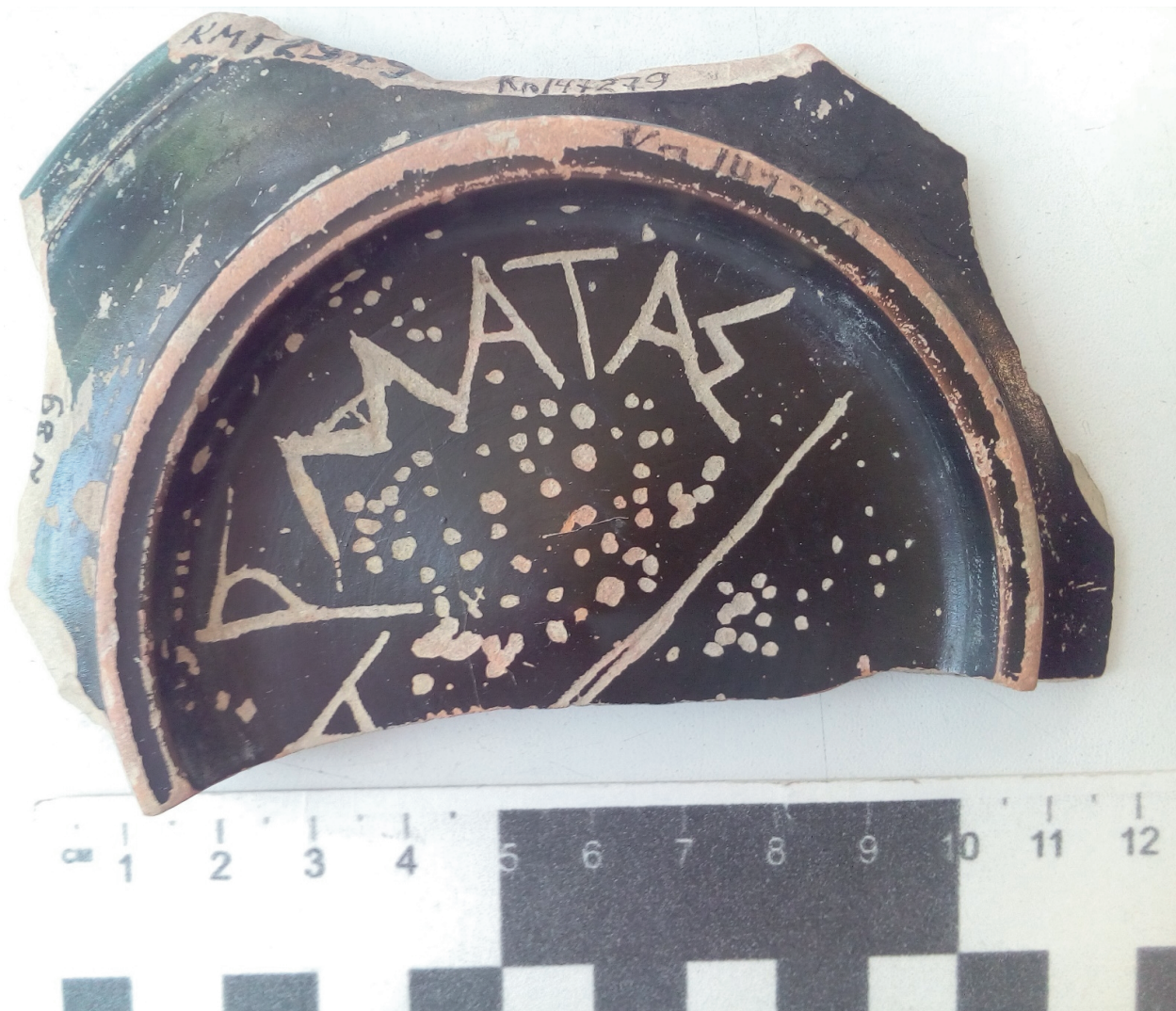

Рис. 1. Заклятье на сарматов на кольцевом поддоне ~~килика~~ IV в. до Р.Х.

северочерноморские степи впервые начинают именовать Сарматией (см. Скрипкин, 2009; ср. Тохтасьев, 2005: 292).

В последние десятилетия эти сообщения получили мощное подкрепление в эпиграфике, графике и нумизматике. (1) Обращает на себя внимание публикуемое ныне впервые⁶ графито (ПАН-1999 оп. № 89, хранится в ГБУ РК ВКИКМЗ: № хранения – КМГ 2979) на фрагменте кольцевого поддона ~~килика~~ IV в. до Р.Х. с акрополя Пантикапея, где ясно читается Σ]ΑΡΜΑΤΑΣ в сопровождении тщательно прочерченной, местами двойной, линии (см. рис. 1). Хотя левое её окончание до нас не дошло, но сознательная порча в остальном аккуратно выписанных букв *ρο* и *μιο* (последняя прямо-таки раздирается) позволяют считать, что её острие либо упиралось наподобие копья в несохранившуюся начальную *сигму* аккузатива имени сарматов, либо зачёркивало названную литеру, как бы уничтожая тем самым (во всех случаях) носителей этнонима. Магический характер артефакта – заклинье на сарматов – ещё более укрепляется тем, что найден он был в районе, где позднее располагался особо почитаемый представителями правящей династии культовый комплекс *Артемиды-Гекаты* (Толстикова, 1987: 88-114; Виноградов, 1987: 55-87). Поскольку же ~~килики~~ такого типа известны в течение практически всего IV в. до Р.Х., а время их жизни исчерпывалось, в лучшем случае, парой десятков лет, нельзя сомневаться в том, что автор надписи совершил своё культовое действие не позднее последней четверти указанного столетия.

⁶ Искренне благодарю В.П. Толстикова, руководителя Боспорской (Пантикапейской) археологической экспедиции ГМИИ им. А.С.Пушкина, за предоставленное мне право издания надписи, и сотрудников Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника за оказанное мне в этом содействие.

Если же исходить из шрифта – подтреугольное *rho*, разлапистое *mu*, раскрытая *sigma*, регулярно уходящая вправо вниз высоко расположенная переключательная вытканная *alpha* – то и того ранее. (2) Этноним сарматов применительно к Тавриде со всей очевидностью читается в херсонесском декрете IOSPE I² 343, 280 г. до Р.Х. (Виноградов, 1997: 108 – эстампаж, 115 – чтение, 121 – текст). (3) второй четверти III в. до Р.Х. принадлежит процарапанное на знаменитой Нимфейской фреске (Грач, 1984: 81 сл.) изображение не существовавшего у скифов тяжелооружённого конника, т.е. – сармата-катафрактария (Виноградов, 2000: 274; Толстиков, Нефедкин, 2010: 646; реконструкция М.В. Горелика там же, 631). (4) Ряд исследователей (Карышковский, 1971: 44; Мачинский, 1971: 47; Смирнов, 1981: 8; Виноградов, 1997: 106; Виноградов и др., 1997: 98; Виноградов, Марченко, 2014: 149-150) полагают, что сайи и Сайтафарн из ольвийского Протогеновского декрета IOSPE I² 32 А (Вторая половина III в. до Р.Х.), т.к. они ранее не встречались, а упомянуты отдельно от скифов, являлись сарматами (см., впрочем, скифскую этимологию – Кулланда, 2016: 84-85). (5) В полном концерте с вышесказанным находится и обнаружение в Хорезме фанагорийской монеты второй половины III в. до Р.Х. (Виноградов, 2004: 24).

Всеми этому ладному массиву разноплановых данных противопоставляют лишь одно: якобы, отсутствие западнее Дона сарматской археологии, а именно и единственно – могущих быть отождествлёнными с сарматами погребальных комплексов ранее второй половины II в. до Р.Х. (напр., Полин, 1992: 15, 124-146). Беда такого узкого подхода даже не в том, что он не следует непреложному правилу: *argumentum e silentio non est argumentum*.

Горе и не в том, что забывают о накоплении сарматских погребальных памятников на левобережье Дона в течение всей второй половины IV в. до Р.Х. (Виноградов и др., 1997: 96). Что, в свою очередь, свидетельствует о сосредоточении тут критической массы народа, неминуемо и скоро, как то произошло в своё время со скифами, ведущем к прорыву на и за правый берег реки.

И не в том, что не задаются вопросом – как сарматы могли фигурировать в эпиграфических и графических свидетельствах на 150-200 лет ранее исхода II столетия, коли они не переходили Танаис и не были для эллинских государств реальностью, данною им в ощущениях? Но, главное, в том, что утверждение С.В. Полина и само по себе, как минимум, не вполне верно.

Не буду долго заострять внимание на очевидном: перечисленные образцы эпиграфики, нумизматики и изобразительного искусства, – такая же археология, как и любая другая, и потому не может игнорироваться, т.к. найдены были все эти объекты в регулярных раскопках. Нельзя сбрасывать с археологических счетов и исчезновение в III в. до Р.Х. скифских древностей из традиционного для них ареала севернее Понта Эвксинского (Виноградов, Марченко, 2014: 143 слл.), само по себе говорящее о прессинге на их носителей новой орды. А ранние кочевые сарматы⁷, совершая за Дон только быстрые⁸ рейды (Виноградов и др., 1997: 101) одиночными бандами (Виноградов, 1997: 122), как до них – скифы, вовсе не обязательно должны были оставить после себя значительное число своеобразных захоронений (ср. Виноградов, 1987: 68-69).

Тем более, что с «полным отсутствием» таковых дело обстоит далеко не столь просто, как иногда кажется. Как и налобники с крючком с евпаторийской «Чайки», другие характерные сарматские и коррелирующие с ними артефакты – фалары, крестовидные псалии, шлемы типа, представленного на Нимфейской фреске, – известны в т.н. «позднескифских» погребениях западнее Танаиса с последней трети IV в. до Р.Х. (Виноградов, Марченко, 2014: 146 сл., 150 сл. – с библиографией), не говоря уж о смешении савромато-сарматских и прикубанских элементов в раскопанном в 1875 году в Керчи кургане Ак-Бурун рубежа IV–III вв. (Виноградов, Марченко, 2014: 145).

На мой взгляд, захоронения с перечисленными предметами признаются скифскими, лишь

⁷ Сираки и аорсы по версии Ю.А. Виноградова и К.К. Марченко (Виноградов, Марченко, 2014: 144).

⁸ Полтора тысячелетия спустя отряды русских князей, идя – каждый всадник – с двумя свежими конями в поводу, покрывали расстояние между низовьями Днепра и Дона не более, чем за 12-14 дней – см. свидетельства древнерусских летописей (Ипатьевской и проч.) различных изводов в ПСРЛ.

исходя из хронологической аберрации сознания и ложных стереотипов. Согласно которым выходит, что памятников сарматов быть не может, ибо – по умозрению – их момент ещё не настал. Или, наоборот: раз их время не пришло, то и находки к ним не относятся. В обоих случаях одно неизвестное доказывается через другое. Налицо заколдованный круг порочной логики и порождённой ею превратной практики.

Притом, что сейчас специалисты всё более приходят к тому, что, вообще говоря, отличить ранних сарматов от поздних скифов не проще, чем разделить ранних скифов от савроматов⁹. Точно также мне, в свою очередь, опираясь на публикации номадологов, уже приходилось писать о сложности различения скифских и меотских курганов Северного Кавказа (Копылов, Шелов-Коведяев, 2017).

Судя по всему, сарматология ныне стоит перед той же дилеммой, что уже разрешили для себя скифологи (ср. Виноградов, Марченко, 2014: 143 слл.). И скифов древняя литература знает между Доном и Днепром с VII в. до Р.Х., когда их погребальные комплексы тут неизвестны. Это отнюдь не значит, что их нет в природе. Просто они ещё не найдены. Да и в VI–V вв. в днепро-донском регионе их мизер: в Степи и Лесостепи (600 на 291 + км) – 14, в Крыму (308 на минимум 130 км) – 3 (Копылов, Русаков, 2016: 276). Всего лишь 17 (!). Характерно, что до начала V века (см. Виноградов, 1989: 68 и 86) их вовсе нет в округе Ольвии (ср. из последних работ – Снытко, 2016: 45 слл.), интенсивные взаимоотношения с которой прекрасно документированы разными материалами.

И ещё. Геродот (Hdt. IV 120) пишет, что на стороне скифов в их войне с Дарием выступали савроматы. И где же их следы? Ведь кто-то из них должен был погибнуть в бою или просто умереть и быть похоронен. Однако, в силу скифоидного характера савроматских древностей (ср. Hdt. IV 117: савроматы говорят по-скифски, но плохо; и иные авторы часто прямо относят их к скифам – см. Тохтасьев, 2005: 293 слл.) даже в Поволжье и Южном Приуралье (Скрипкин, 2009) их трудно отличить от собственно скифских. Значит, среди тех 14 захоронений, что приходится на Степь и Лесостепь, могут быть и савроматские. И сколько, тогда, останется сугубо скифских? Что же, снова «скифский вакуум»? Нет, конечно!

Как не было скифского «хиатуса», так нет и сарматского (ср. Виноградов, Марченко, 2014: 143; 155). Не забудем к этому, что, вплоть до позднеантичной архаизирующей традиции, ЭН «савроматы» используется как синоним сарматов *in toto* (ср. Тохтасьев, 2005: 292 слл. – с часто чрезмерным скепсисом) и/или их части (Ps.-Scyl. 70 sq.; Strabo VII 3, 9 = Ephor. F. 42; Ps.Skymn. 880-881 = Ephor. F 160, cf. Ps.Skymn. 877-879 = Dem. Call. F 1; Theophr. fr. 172 [?]; Her. Pont. fr. 128 = Callimach. 407, 91; Strabo VII 3, 17[Erat.] vs XI 6,2 [Erat.]; idem II 5, 3 et 7; idem VII 2, 4; Diod. II 43, 6; Plin. NH IV 80 et VI 19), в том числе, – в удрежняющем сарматскую династию Боспора ЛII Савромат и официозных надписях (IOSPE I² 3697, в чтении М.И. Ростовцева; КБН 970) – в пропагандистских целях.

Отсюда – вывод: необходимо тщательнее работать по ранним сарматам в междуречье Дона и Днепра, одновременно строже подходу к критериям их идентификации. Если нам сейчас недоступны масштабные изыскания в Южно-Русских степях и Лесостепи, значит, надо быть активнее на донском Правобережье.

Тут самое время вернуться к островной Большой греческой колонии в устье Танаиса. Чтобы понять, что сопровождало её гибель, обратимся к событиям конца IV в. до Р.Х., когда она возникла.

Диодор (XX 21-24) рассказывает, что в борьбе за престол Перисада его сыновья опирались: Сатир и Притан – на скифов, а победивший их в войне за наследство младший брат Эвмел, – на племена Азиатского Боспора, которые и в дальнейшем остались главной опорой династии. Сам историк упоминает в этой связи только фатеев и их царя Арифарна. На основании того, что племя это, следуя за боспорскими надписями, относят к меотам, а царское имя имеет ярко выраженный

⁹ Благодарю А.Р. Канторовича за консультации по всему кругу поднятых в данном абзаце вопросов.

иранский характер, было высказано мнение, что на стороне Эвмела сражались также сираки и аорсы, признаваемые сарматами из-за синхрона их возникновения в источниках с выходом тех на историческую арену (см., напр., Виноградов и др., 1997: 98 – с историографической справкой).

Идя дальше, ряд исследователей (Виноградов и др., 1997: 99-100) выдвинули предположение, что БГК обязана своим основанием именно союзу Эвмела с сарматами. Не возьмусь утверждать, что последняя их гипотеза, как и предыдущая, заимствованная ими от предшественников, – об участии сираков и аорсов в конфликте – бесспорна (как известно, ономастика, особенно в элитной среде, не является достаточно надёжным этническим маркером), но она привлекает внимание в свете наших собственных наблюдений.

Во всяком случае, коль скоро (см. выше) эпиграфика (IOSPE I² 343), нимфейский рисунок и археология (скифские стрелы в пожарищах поселений боспорской хоры в Крыму и т.д.) солидарно свидетельствуют, что сарматы, сосредоточившиеся на Левобережье Нижнего Дона ещё во второй половине IV в. до Р.Х., в III столетии давили на скифов по всему Северному Причерноморью¹⁰, а те, в свою очередь, на античные государства, наиболее логично считать, что Большая греческая колония на месте Елизаветовского городища пала жертвой скифской агрессии¹¹. Таким образом, ее трагедия была отдалённым следствием схватки сыновей Перисада за престолонаследие и возникшего в ходе их столкновения нового альянса боспорской династии с соседними варварами.

Очевидно, скифы, перестав быть главными союзниками Боспора, жёстко били по его уязвимым точкам (к коим, в силу своей удалённости, безусловно, относилась и Большая греческая колония у хутора Городище в дельте Дона) не только из-за утеснения со стороны сарматов, но и из чувства мести за то, что пальма первенства в системе боспорских союзов с местными племенами перешла к их основным соперникам. А ядра, коль скоро они были выпущены из баллист, установленных на боспорских судах, суть свидетели не расстрела непокорного пункта, но максимума того, на что у боспорян могло хватить тогда возможностей – прикрывающего эвакуацию эллинов огня, ведшегося по осаждавшему их противнику.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов Ю.А. 2004: О двух волнах сарматских миграций в причерноморских степях доримского времени // Херсонесский сборник. Выпуск XIII. Севастополь: ЧП «Стрижак-Пресс». С. 20-28.

Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. 1997: Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ВДИ. № 3. С. 93-103.

Виноградов Ю.А., Марченко К.К. 2014: Северное Причерноморье в III в. до н.э. (взгляд из греческих государств) // Археологические вести. Выпуск XX. СПб: «Арт-Экспресс». С. 143-162.

Виноградов Ю.Г. 1987: Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. № 1. С. 55-87.

Виноградов Ю.Г. 1989: Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. М: Наука.

Виноградов Ю.Г. 1997: Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I² 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. № 3. С. 104-124.

Виноградов Ю.Г., 2000: ?

Грач Н.Л. 1984: Открытие нового исторического источника в Нимфее (предварительное сообщение) // ВДИ. № 1. С. 81-88.

Завойкин А.А. 2010: Архаический, классический и эллинистический периоды (VI–II вв. до н.э.) // Античное наследие Кубани. Т. II. Ч. VIII. Гл. 1. М: Наука. С. 12-79.

¹⁰ Судьба их царства после Агея – наглядное тому подтверждение.

¹¹ В этом я расхожусь с К.К. Марченко (Марченко, 1992: 184-186; Марченко и др., 2000: 258) и Ю.А. Виноградовым (Виноградов и др., 1997: 98-99; Виноградов, Марченко, 2014: 147), которые спонтанно заявляют, что его разрушителями выступили те же, кто едва вошёл в союз с боспорскими владыками, – сарматы.

Карышковский П.О. 1971: Истрия и её соседи на рубеже III–II вв. до н.э. // ВДИ. № 2. С. 36-56.

Книпович Т.Н. 1949: Танаис. М.–Л.: Наука.

Копылов В.П., Коваленко А.Н., Янгулов С.Ю. 2009: Изменение военно-политической ситуации на Нижнем Дону в середине – конце IV в. до н.э. в контексте дискуссии о причинах гибели великой Скифии // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии. Материалы IX Минаевских чтений по археологии, этнографии и региональной истории Северного Кавказа. Ставрополь: СтГУ. С. 57-63.

Копылов В.П., Коваленко А.Н. 2016: К вопросу о причинах дестабилизации ситуации в устьевой области реки Танаис в третьей четверти IV – первой трети III вв. до н.э. // Stratum Plus. № 3. С. 33-44.

Копылов В.П., Русаков М.Ю. 2016: Специфика распространения раннескифских погребальных памятников в Северном Причерноморье // Стародавнє Причорномор'я. Випуск XI. Одесса: ОНУ. С. 275-279.

Копылов В.П., Шелов-Коведяев Ф.В. 2017: События второй половины IV в. до Р.Х. в устьевой области реки Танаис: Письменные источники и археологическая данность // Исторические исследования. № 8. М: МГУ. С. 262-287 [Электронный журнал Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова]. URL: <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/issue/view/9> (дата обращения 23.11.17).

Кулланда С.В. 2016: Скифы: язык и этногенез. М: Университет Дмитрия Пожарского.

Кутинова Т.М. 2010: Танаис и Фанагория // ВДИ. № 3. С. 113-121.

Марченко К.К. 1990: Боспорские поселения на территории Елизаветовского городища на Дону // ВДИ. № 1. С. 129-138.

Марченко К.К. 1992: Боспорское поселение на Елизаветовском поселении // Очерки археологии и истории Боспора. М: Наука. С. 174-186.

Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. 2000: Елизаветовское городище на Дону // Pontus Septentrionalis. II. Moskau: Nauka.

Масленников А.А. 1981: Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э. М: Наука.

Масленников А.А. 1998: Эллинская хора на краю ойкумены. Сельская территория античного Боспора в античную эпоху. М: Наука.

Мачинский Д.А. 1971: О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. Выпуск 13. Л: Государственный Эрмитаж.

Полин С.В. 1992: От Скифии к Сарматии. Киев: Наукова думка.

Скрипкин А.С. 2009: Савроматы Геродота // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб: Наука.

Смирнов К.Ф. 1981: Ольвийский декрет в честь Протогена и сарматы // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе.

Снытко И.А. 2016: Декрет в честь гражданина Протогена в контексте истории Ольвийского полиса III в. до н. э. (историко-археологический аспект) // Stratum Plus. № 3. С. 45-66.

Толстиков В.П. 1987: Святилище на акрополе Пантикапея // ВДИ. № 1. С. 88–114.

Толстиков В.П., Нефедкин А.К. 2010: Армия. Вооружение. Фортификация // Античное наследие Кубани. Т. II. Ч. XIII. Гл. 1. М: Наука. С. 602-655.

Тохтасьев С.Р. 2005: SAUROMATAE – SARMATAE – SYRMATAE // Херсонесский сборник. Выпуск 14. Севастополь: Издательский дом «Максим». С. 291-306.

Хайнен Х. 1999: Афинский декрет в честь Спартока III (IG II², 653) // Древнейшие государства Восточной Европы 1996–1997. М: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. С. 158-169.

Böttger B. 2001: Zur hellenistischen Periode der Stadt Tanais // Херсонесский сборник. Выпуск XI. Севастополь: Национальный заповедник «Херсонес Таврический». С. 44-64.

